

Известия, — 1998, — 5 июля — с. 7

Кто сказал «мяу»?

К 85-летию со дня рождения Вивьен Ли, девушки с характером

С тех пор как деканом киноведческого факультета ВГИКа стал профессор Утилов, для многих молодых киноведов история американского кино начинается с Вивьен Ли и заканчивается ею же. Фанат актрисы с раннего студенчества, профессор считается главным специалистом по Ли в России, крайне резко отзываясь обо всех ее партнерах в кино и жизни и даже (как утверждает ехидная вгиковская молва) отворачивается от экрана, когда его богиня целуется с каким-нибудь ничтожеством вроде Роберта Тейлора.

В день благодарного юбилея редакция считает уместным немного скорректировать образ принцессы Грезы, сложившийся при пылком участии высокочтимого профессора.

Денис ГОРЕЛОВ

Вивьен Ли была суперзвездой для офицерских клубов. Есть такая порода колких красавиц в боа и перчатках, что безошибочно сводят с ума звездопогонных отпускников. Для этого совсем необязательно быть пышными бругильями типа Марики Рёкк или Дорис Дей — вполне достаточно пару раз съязвить в упор, не к месту расхохотаться, а после потупить глаза и промяукать что-нибудь льстивое, — и грозные скалы конкистадорских сердец просыпаются мелкой галькой к ногам укротительницы. Нередко они даже становятся королевами: влюбленная лейб-гвардия — это страшная сила. Тогда падшие ниц штатские летописцы осыпают их комплиментами и задним числом сочиняют подходящие сану биографии.

«О звездах либо с придыханием, либо никак» — этот постулат житийной кинолитературы облагородил не одну диву киноэкрана. Если девушка достала весь Голливуд скандальным нравом, ультиматумами и хлопаньем дверями, — былинные речистые присвоят ей титул кошечки, временами превращавшейся в пантеру. Любопытную путешественницу по чужим постелям назовут хрупкой и неотразимой разбивавшейся сердцем. Неврастничку, годами снимавшуюся в глухих манжетах из-за свежих порезов на венах, — жертвой безжалостной системы. Принцесса была прекрасная, система была ужасная...

Вивьен Ли звали ангелом съёмочной площадки и жемчужиной сцены, беззащитной, грациозной и ослепительной. В звездных сборниках она представляла милой голубкой с белоснежным нравом и русалочьей судьбой, любимой гномов и

белок, принцев и лейтенантов, дубов-колдунов и вгиковской профессуры. Меж тем ослепительный ангел годами лечился от неврозов, царственная фея разорвала брак Лоренса Оливье с Джил Эсмонд в самый разгар ее беременности, а нежная голубка явно тяготела к ролям взбалмошных фурий, в исступлении бьющих посуду и вонзающих булавы в портрет ушедшего возлюбленного. К началу войны Голливуд окончательно сформировал ее амплуа — горделивой куртизанки, повергавшей в обморок придворную знать и обожающей мужчин, которым нравится швырять бокалы в ее портреты в полный рост. Имя Пурпур (Скарлетт) и девичья фамилия Сердце (леди Гамильтон до замужества именовалась Эммой Харт) лишь добавляли пошлости в обобщенный образ Дианы в опере, Венеры в маскарade. Заранее отрепетированные сияющие изгибы, размахиванье ресницами, злой прикус и надменное смиренное взглядом стали коронным репертуаром ее лирической героини — из тех особ, что зовут своих дочерей принцессами и которых главный адвокат мужской самости Виктор Ерофеев окрестил адвентистками предменструального дня. Бросив вызов лицемерию общества, она осталась в полной власти великосветского жеманства. Фальшивая до кончиков перчаток, до огонька сигареты в мундштуке, которыми так любят затянуться искусственные дамы, Ли с одинаковым перебором играла гнев, испуг, восторг, отчаяние, тревогу, искренность, изумление, волнение, оторопи и обмороки. Почему-то в годы войны такое поведение особенно возбуждало мужественных кабальеров по обе стороны океана; даже Гомер воюющей России Константин Симонов избрал своей Пенелопой далеко не безгрешную Валентину Серову.

Американцы в тот момент молились на известную вертихвостку Риту Хейуорт и злючку Ли, вспоминая, как ее уносило ветром в бессмертной панораме заката рабовладельческих штатов.

Сегодня, 60 лет спустя, уже можно вслух сказать, что титульная героиня американского Юга Скарлетт О'Хара, веселая вдова, богиня и эталон миллионов дур, была отъявленной мегерой с хлыстиком. Четыре часа подряд эту мисс Мигрень бросало то в гнев, то в слезы, то бить служанок осердясь, то плаксиво корпю ципать, то язвить ледяным взором задиру-капитана, то падать в его весело подставленные объятия. Отчаянные рыдания, перемежаемые вспылками маниакальной энергии — с лихорадочным румянцем и спутанной шевелюрой, — простодушное человечество принимало за несгибаемый характер, а то было элементарной шизофренией. В состоянии сердитой нахмуренности с досадливо стиснутыми губами королева хлопковых плантаций провела на экране вчетверо больше времени, чем с нежной улыбкой, вынесенной на рекламный плакат, — а глубокие рывины от бесконечных свар и испепеляющих взоров были видны на лбу 26-летней актрисы всякому непредвзятому зрителю.

Стоит, однако, признать, что зритель 39-го года был полон влюбленной предвзятости. В пору слома вековых условностей образ лисички-сестрички, отчаянно флиртующей с блестящими офицерами на глазах седовласых мужей, не мог не произвести фурора. Строптивицы случались на экране и прежде — в «Иезавели», например, или «Восьмой жене Синеи Бороды», — но все равно их главной целью был брак и приручение красавца-мужчины. Атакующая и до времени не платящая за вздорный нрав красота была в диковинку, явно выигрывая на фоне хитрых самочек и уж тем более жертвенных скромниц немого кино. В годы, когда душевную травму кинематограф еще передавал раскатами грома, а русские титровщики писали слово «леди» через «э», американская женщина отмахивалась от исконо мужских прав ломом за ломом, регулярно преступая границы разумного: вслед за избирательными правами суфражистки пролоббировали сухой закон, отмеченный в истории США двумя самыми кретинскими по-

правками к священной конституции — о введении всеобщей трезвости и об отмене всеобщей трезвости. На этом фоне эмансипационного праздника непослушания Скарлетт О'Хара, а с нею и Вивьен Ли не могли не прозвучать.

Редкостное совпадение роли с характером делало честь великоллепному отбору актеров на студии MGM — безымянные сотрудники сумели разглядеть в учтивой кисе будущую припадочную горгону. Ли была стопроцентным попаданием в образ, определивший в дальнейшем ее амплуа победительных разлучниц. Подобно Скарлетт, она не упускала случая рассмеяться в ответ на вопрос, затеять немотивированный скандал и попортить кровь всем окружающим, включая самых любимых. Как и Скарлетт, ее раздражало все вокруг — бедность, бестактность, бестолковость, революции, войны, кумушки, служанки, врачи, коммунисты и амикошество капитана. Как и Скарлетт, она сама построила и сама уничтожила свою жизнь. Лучшую кандидатуру подыскать было трудно: пробовавшаяся Джоан Кроуфорд казалась уже староватой, а железные леди Бетт Дэвис и Кэтрин Хепберн были бы малоубедительны в непрекращающейся трехчасовой истерике, которую представляла собой экранизация главного американского романа.

С тех пор импульсивные грации с неустойчивой психикой стали ее коньком и крестом. Анна Каренина бросалась под поезд, Майра Лестер — под санитарную карету на мосту Ватерлоо, Джульетта закалывалась, Эмма Гамильтон спивалась, а Бланш Дюбуа отвозили с конечной остановки трамвая «Желание» в дом скорби — последний приют умилившихся, где и актрисе случалось бывать не раз. Спровоцированный беспричинными попреками и подозрениями разрыв с Оливье поставил крест на браке, 20 лет считавшемся супружеским союзом века. Звезда трех капитанов — Батлера, Кронины и Нельсона — и ротмистра Вронского плакала и унывала в прямом смысле слова: к расшатанным нервам добавилась чахотка — фирменный недуг чувствительных натур.

В России о душевных болезнях Ли и слухом не слыхивали. Страна освобожденной женщины вечно шла своим путем, и в 60-е, когда начал складываться миф о Ли, а весь мир уже сходил с ума от инфантиль-

ной экстравагантности Одри или Мэрилин, только-только открыла для себя прелесть шикарной великосветской истерики. Экзальтированные порхания Вероники, колотящаяся в припадке любви Наташа Ростова, заклинивания Ахмадулиной были вехами большого пути, первым и как всегда чрезмерным опытом познания таинственной, алогичной красоты. Выспренная театральщина, истощенный мелодраматизм, фальшь и рисовка — все, что вернувшаяся к простосердечию Америка прошла за 30 лет до того, — воцарились в общественных представлениях о настоящей женщине. Повторный прокат «Леди Гамильтон» и «Моста Ватерлоо» был как раз ко двору, давая превосходный образец фифам, которые «на улице не знакомы», а лучше всего ценят возможность нахлестать ажурной перчаткой по наглой физиономии обожателя.

Ли превозносили за мнимые подвиги не смилившейся с диктатом доллара звезды, в то время как ее подлинным подвигом стала роль Бланш Дюбуа из «Трамвая» «Желание» — невротичной, томной, игровой особы в возрасте «ягодка опять», когда кривлянье начинает особенно раздражать. Если образ рабы страстей и лесопилки Скарлетт О'Хара создавался ею со всей искренностью — здесь Ли, в отличие от восторженного вгиковского почитателя, не могла не видеть пародийности фигуры и авторской издевки, — и все же продолжала разыгрывать Шекспира в клоповнике. Ей даже пришлось подновить и без того заметные поперечные складки на лбу (на крупных планах видно, что при бурных объяснениях их края остаются неподвижными) — не всякая из увядающих красоток на такое отважится. Второй «Оскар» был ее глубоко заслуженной наградой, даже в соревновании с Кэтрин Хепберн в

«Африканской королеве» и Шелли Уинтерс в «Месте под солнцем».

К старости она собственными усилиями вогнала себя в тот образ, который любят создавать светские биографы, — несчастной, одинокой и непонятой звезды. Именно в тот момент в ее облике появилась та печать трагического благородства, которое мир воздыхателей тщетно пытается приписать всем своим предметам — от Греты Гарбо до Мэрилин Монро, горько страдающих от своей славы и миллионов.

Триумф созданного ею типа уложился в 13 лет от «Оскара» до «Оскара», от «Унесенных ветром» до «Трамвая» «Желание». Проза войны и восстановительной нужды ускорила превращение поправшей табу салонной фрондерши в пародию на саму себя — кокетливую алкоголичку с изрядно подтянутой кожей лица. С тем же постоянством, с каким авеню романтических встреч, будь то улица Тверская, мост Ватерлоо или бульвар Голливуд, в конце концов превращалась в аллею прости-тутской охоты, — с той же периодичностью ее принцессы на горошине прыгали в объятья грубых жеребцов, предварительно надравшись до бесчувствия. В «Корабле дураков» она с перцем сыграла пережившую себя аристократическую Европу накануне прихода фашистского варварства. «Наступает время, — говорила ее героиня, — когда женщины становятся холодными, а их сердце каменным, они полнеют или усыхают, или начинают пить, выходят замуж за слишком молодых мужчин и получают то, что заслужили, — и им остается ждать, пока страх и одиночество не сделают свое дело».

Страх и одиночество сделали свое дело два года спустя. 8 июля 1967 года Вивьен Ли скончалась от доконавшего ее туберкулеза.